

Медиа должны менять мир к лучшему

— Согласно традиции Роберта Флаэрти (а значит, нашего фестиваля тоже) режиссёр должен быть объективным, он не имеет права на мнение. Он должен только видеть и показывать, но не пытаться повлиять на реальность.

— По-моему, на самом деле всё иначе. Объективность в кино — это идеал, к которому ты стремишься: хочешь быть справедливым, честным, рассказывать в своей истории правду. Но у тебя как у автора есть точка зрения, и сам я больше всего люблю кино, которое её демонстрирует. Как автор, я выбираю, с кем говорить, какие фрагменты вставить в фильм, какую музыку подобрать. Это всё манипуляции, инструменты влияния на зрителя. Не в отрицательном смысле — я имею в виду, что ты даёшь людям некий опыт. Может быть, существует кино, в котором достаточно поставить камеру и наблюдать, но мне это неинтересно. Для меня снять кино — значит создать поэзию из реальности. Жизнь невозможно поймать: как я могу превратить семь лет жизни человека в 90 минут, если не добавлю в процессе что-то от себя?

Мне всегда нужен элемент социальной значимости в моих работах. Мне важно создавать кино, которое может изменить мир в лучшую сторону. Это моя сквозная тема, и раскрывать её можно в любой точке мира. Много лет назад я снимал короткометражку на Гаити (ещё до землетрясения). Она была о вырубке лесов и о том, как ей противостояла молодёжь Гаити. Люди вновь высаживали уничтоженные леса, и я подумал, что этой историей стоит поделиться.

Мне всегда нужна надежда, чтобы после фильма люди вдохновлялись на действие. Их нельзя оставлять подавленными — тогда у людей не появятся желания что-то изменить. Я думаю, важно показывать людям реальность, в том числе самую ужасную. Не надо притворяться, что всё у нас замечательно. Я думаю, что именно ради этой человечности, воодушевления, надежды, желания что-то изменить я и делаю кино про людей. У главных героев моих фильмов, даже если они находятся в тяжёлой, ужасной ситуации, всегда есть надежда, что каким-то образом они

смогут продолжить свою работу и сделать мир лучше. Я думаю, это воодушевляет зрителей.

— И всё-таки: что вы думаете о традициях Флаэрти, о его подходе с точки зрения визуальной антропологии?

— По-моему, это потрясающе. Я думаю, что такие фильмы действительно нужны и очень ценны для нашего общества. Они дают нам пропуск в мир, в который мы не могли бы попасть сами. Они развивают нас как личности и расширяют наш взгляд на мир. Возможность прикоснуться к незнакомой культуре делает нас более сочувствующими, сопереживающими. Когда выпадает шанс погрузиться в другую культуру или локацию, пробуждается желание заботиться о мире, и это, по-моему, крайне ценно. Я не отвергаю такой подход, просто мой отличается и тоже имеет право на жизнь.

— Каковы ваши первые впечатления о России и русских?

— Гостеприимство — это первое слово, которое приходит на ум. Обо мне так заботятся с самого начала поездки! Столько предупредительности, столько внимания к деталям. Я живу «международной» жизнью: провожу много времени за рубежом, среди людей из разных стран, так что я не вижу каких-то особых «русских» — я вижу просто чудесных, открытых людей и общениваюсь с ними опытом. Мы говорим о политике, что очень интересно при текущей политической ситуации в мире. У меня часто случаются интересные беседы с людьми, от которых я узнаю о жизни в России, а они спрашивают меня о жизни в США, потому что большинство из них там не бывали.

— За просмотром вашего фильма о ветеранах войны в Ираке я подумала, что американцам гораздо больше, чем нам, свойственна открытость. Они очень откровенно рассказывают о своей жизненной ситуации, о проблемах (а мы о проблемах говорить не любим) прямо перед камерой, и это удивительно. Как вы думаете, это магия вашего кинематографического таланта или американцы так открыты со всеми?